

Приватизация войны: от Георга фон Фрундсберга до
Джорджа Буша-младшего

В.В. Морозова

2009

Лаборатория теоретических исследований права
и государства ГУ-ВШЭ

©Морозова Валерия Викторовна
стажер-исследователь

Valeria Morris <valeria.morris@gmail.com>

Статья Валерии Викторовны Морозовой «Приватизация войны»
ранее была представлена на конкурс в Институт Катона.

Говоря о пределах допустимого вмешательства государства в общественную жизнь, подавляющее большинство теоретиков ссылаются на так называемые минимальные функции государства, тесно связанные с категорией публичных благ. И если многие потенциальные сферы властного влияния так или иначе выводятся либертарной наукой в юрисдикцию гражданского общества, вооруженная защита произведенных таким образом благ остается по общему правилу государственной монополией везде, кроме спектра анархических учений. Однако при взвешенном рассмотрении эффективность государственной армии в сравнении с частной далеко не бесспорна; и в данной работе мне хотелось бы подвергнуть сомнению аксиому о публичной политической власти как «поставщике» безопасности свободы и собственности и о вооруженных силах как объекте государственной монополии.

Говоря о приватизации армии, следует прежде всего не смешивать понятия частных и «профессиональных» (контрактных) вооруженных сил. Всякая частная армия – контрактная, но не всякая контрактная армия – частная. Контрактность означает прежде всего добровольность, в отличие от традиционной воинской повинности; однако наемник-доброволец может вступать в договорные отношения как непосредственно с тем или иным государством как системой публичной политической власти, так и с негосударственным квазюридическим лицом – собственно теми или иными частными вооруженными силами, выступающими в данном случае в качестве субподрядчика по отношению к стороне вооруженного конфликта в международно-правовом смысле этого слова.

Участие в военных действиях является для наемного солдата основным источником дохода; следовательно, можно ожидать, что как разумный предприниматель он будет всячески повышать свою «квалификацию» – следить за здоровьем и физической формой, практиковаться во владении различными видами оружия, не допускать небрежного и неосторожного поведения при исполнении своих обязанностей. В отличие от солдата-«срочника», наемник-доброволец идет на риск по собственному свободному выбору и получает взамен определенные блага – опять-таки выгодно отличаясь тем самым от призывника, вынужденного рисковать жизнью почти исключительно по принуждению и из страха перед жестоким наказанием. Не будучи связан псевдоюридическими фикциями наподобие «государственных интересов» и «патриотического долга», он имеет возможность получить боевой опыт в самых различных условиях на стороне самых разных стран и более хладнокровно подойти к осуществлению своих непосредственных обязанностей. Сообщество профессионалов всегда выгодно отличается от сообщества приневоленных – а следо-

вательно, неуставные взаимоотношения между наемными военными встречаются значительно реже, чем между призывниками-«срочниками» (что подтверждает, в частности, пример 76-й гвардейской воздушно-десантной Черниговской Краснознаменной дивизии, дислоцированной в Пскове). Однако все эти доводы довольно расхожи; мы же попытаемся доказать не просто преимущества добровольческо-контрактной армии перед армией, построенной по принципу принудительного рекрутского набора, а преимущества добровольческо-контрактной *частной* армии перед армией, состоящей из лиц, непосредственно нанятых тем или иным государством.

Для целей данного исследования под частной армией мы будем понимать сообщество лиц, добровольно и профессионально посвятивших себя возмездному участию в вооруженных конфликтах международного либо внутригосударственного масштаба, объединенных в юридическое лицо. Важным признаком подобного рода объединения выступает то, что каждый отдельно взятый новобранец заключает контракт именно с ним как юридическим лицом либо с его представителем, а не с вооруженными силами государства – непосредственного заказчика или, к примеру, повстанческого штаба. Таким образом, в отношениях между публично-правовой стороной вооруженного конфликта и конкретным наемником частная армия выступает как коллективный субподрядчик, принимающий на себя обязательства по результативному ведению боевых действий в указанном регионе в течение того или иного периода времени и самостоятельно комплектующий для этого личный состав своих «работников»-военных.

Само собой, подобные «корпорации» не могли не существовать с незапамятных времен – пусть и не в столь юридически сложной форме. Однако первым наиболее ярким примером успешного функционирования частной армии в привычной нам европейской парадигме стал так называемый «золотой век ландскнехтов» – а именно период вплоть до второй половины XVI века. Следует отметить прежде всего, что ландскнехты описываемой эпохи значительно отличались от тех зверообразных персонажей, что – признаем, небезосновательно – всплывают в сознании при самом звуке этого слова. Бандит, насильник и мародер, ставший к XVII столетию синонимом ландскнехта, вышел в массе своей на сцену лишь к закату этого воинского братства, после того, как крестьянская война 1524–1526 гг. разрушила корпоративный дух ландскнехтов и, с одной стороны, превратила корпорацию в касту, а с другой – вместе с традиционной для ландскнехтского братства профессиональной этикой уничтожила и принятый в нем стандарт качества службы.

Подлинный же ландскнехт, ландскнехт в собственном, профессиональном смысле этого слова (а не в нарицательном для всякого возмездного руба-

ки), имел принципиально иной облик, нежели его «правнук»-тезка. Возникнув изначально как корпорация профессиональных воинов, созданная Максимилианом I Габсбургом, ландскнехтское братство первое время обязано было блюсти не только корпоративность и строгое следование единое внутрицеховой этике, но также верность империи и лично императору. В обмен же добровольцы получали не только щедрую плату за свои услуги, но и уникальный «социальный лифт» – ибо в ландскнехты шли в основном мелкие бюргеры и основательные крестьяне, а выходили из выживших полковники, генералы и даже князья. Миф о ландскнехтских полках как о приюте для сброда также до определенной поры совершенно безоснователен – в «золотой век ландскнехтов» желающий записаться в братство обязан был предъявить при вербовке готовое обмундирование и оружие; лишь в более позднюю эпоху в братство стали принимать неимущих и экипировать их из средств, вырученных от утилизации трофеев. Догма о патриотизме и преданности царствующему дому протянула недолго; и вскоре ландскнехты стали именно теми, кем стали – а именно профессиональным союзом с открытым членством, собственными внутрикорпоративными судами и нормами, в том числе и касательно менеджмента и распределения прибыли, а также явно выраженным стандартом качества оказания услуг; и далеко не бессмысленным представляется шутовское уподобление некоторыми учеными братства ландскнехтов акционерному обществу.

В источниках можно встретить, к примеру, сведения, что «даже подняв бунт и изгнав назначенных командиров, наемники не теряли единства, сохраняя прежние организационные формы. Георг фон Фрундсберг, один из первых и наиболее славных оберстов ландскнехтов, почитавшийся ими как отец, очень серьезно относился к орденской идее и называл своих воинов не иначе как «любимыми сыновьями и братьями». Перед битвой при Павии он надел поверх доспехов рясу францисканца, чтобы показать как своим бойцам, так и врагам, что считает себя лишь бедным воином, одним из многих орденских братьев. <...> Впервые за долгие века вооруженные простолюдины получили возможность считать себя полноценными воинами, если и не рыцарями, то, по крайней мере, «сражавшимися на рыцарский манер» плечом к плечу с дворянством. Воинская честь и слава стали равно доступными для всех, и, хотя дворянину автоматически назначалось двойное жалование, однако упор делался прежде всего не на происхождение, а на наличие в определенной степени гарантированных рыцарским воспитанием военных навыков. Кроме того, любой выходец из простонародья, предоставив доказательства своего мастерства, например, принадлежности к стрелковой гильдии или фехтовальному братству, или явившись на смотр в полном доспехе, мог претендовать на

столь же почетное место в платежной ведомости, что и дворянин. Помимо этого, факт нивелировки социального статуса воинов оговаривался и юридически, уже в первых пунктах статейных грамот (предшественниц современных военных уставов) для пехоты и конницы, что нашло свое отражение в бессловности военных судов. <...> Специфика особого положения корпорации наемников определялась наличием весомых факторов как материального (правовые льготы, изъятие военных из юрисдикции сословных гражданских судов и пр.), так и идеального свойства (убеждение в рыцарственности военного сообщества, <...> и пр.)... <...> Основные и наиболее характерные черты можно найти в вышеупомянутых стандартных формулах обращения, льстивших самолюбию рядовых, и в их собственных песнях. Наряду с обычными характеристиками, такими, как «бодрый» («frisch») или «старый» («alt»), все снова и снова появляются такие самообозначения, как «свободный», «вольный» («frei») и «честный» («ehrlich») ландскнехт <...> освобождался тем самым и от <...> ограничений свободы, в том числе и от ограничений в выборе господина, причем в условиях немецкого наемничества данного периода — господина временного. Наемник фактически не имел определенного подданства, не платил никаких налогов, не выполнял никаких принудительных работ и не признавал над собой господ в привычном для большинства его современников понимании. Представления о «господине войны» (der Kriegsherr) — верховном нанимателе-монархе или о военачальнике в корне отличались от представлений обывателей о господине — феодальном сеньоре. Он понимался не как богоданный угнетатель и притеснитель, подчиняться чьим прихотям было обязанностью подданных от века, и восстать против которого могли заставить лишь крайние обстоятельства, но как равный деловой партнер, зачастую не очень состоятельный. <...> Наниматель, не соблюдавший своих обязательств, терял в глазах солдат моральное право на полноценную власть... <...> Особую роль играл временный характер найма, сопровождавшийся наличием его полной свободы. <...> Что же включало в себя понятие чести? Во-первых, верность данному слову, присяге, деловую порядочность. Нарушение клятвы, клятвопреступление (der Eidbruch, der Meineid), пусть даже совершенное отдельными членами корпорации, считалось порочащим все сообщество. Одинаково серьезно ландскнехты относились и к обещанию соблюдать условия договора с нанимателем, и к клятве, данной кому-либо еще, даже врагу. Ложным было бы впечатление, что, даже в случае прямого нарушения соглашения нанимателем, бунт или забастовка, являвшиеся обычными средствами борьбы, были неизбежны и начинались сразу же. В большинстве случаев зольднеры оставались верны той статье контракта, которая оговаривала возможность поддержки жалования. Они ждали, как это было предписано, посылали своих

представителей к военным властям, и полностью вывести их из подчинения могла лишь чрезвычайно длительная задержка денег, сопряженная со всевозможными злоупотреблениями и продолжительными военными неудачами <...>, или с твердым убеждением, что жалование не будет выплачено вовсе, как в скандальном случае во время аугсбургского рейхстага 1538 года, когда в связи со внезапно пронесшимся слухом о том, что солдатское жалование якобы проиграно одним из придворных императора, взбунтовавшиеся войска под угрозой оружия принудили Карла V к немедленной уплате.»¹

Иным примером европейских частных армий могли послужить вооруженные силы шотландских кланов. Следует отметить прежде всего, что – как уже было отмечено мною в одной из работ – участвовать в военных действиях с оружием в руках обязан был каждый член клана мужского пола в возрасте от четырнадцати лет до семидесяти; по достижении семидесяти лет он лишь имел почетное право отправиться на поле боя добровольно, на свой страх и риск. Обязанности этой корреспондировало право с шести до восемнадцати лет проходить школу военного мастерства при дворе вождя. Женщины также имели право добровольно принять участие в походе; заметим к слову, что история как кельтской древности, так и Нового времени знает примеры не только пользования этой возможностью в целях оказания помощи раненым или оказания последних почестей телам убитых, но и женского командования в бою. Таким образом, в силу самой своей природы армии кланов обладали определенной корпоративностью, однако внутри них тем не менее существовало и более узкое, профессиональное воинское сообщество – «seatharn», избравшие вооруженную защиту земель клана основным родом своей деятельности. Примкнуть к seatharn мог только прошедший ряд рейдов «spreidh» – своеобразную стажировку в мобильных вооруженных отрядах «sluagh». Логично, что в столь военизированном сообществе находились многие, готовые зарабатывать на жизнь клинком – а так как идентичность каждого горца была прежде всего а) клановой и б) шотландской гэльской, служба в британской армии зачастую не отличалась для него от таковой под шведскими, польскими или российскими знаменами.

Уже в Тридцатилетнюю войну Германия знала целые бригады наемных шотландских войск, чрезвычайно закрытые и корпоратизированные не хуже ландскнехтского братства. Сотрудничество же шотландских солдат с французской короной имеет еще более древнюю историю, начавшись с добровольного прибытия их на помощь дофину Карлу в битве при Азенкуре; следует отме-

¹ Александров С.Е. Немецкий наемник конца XV – середины XVII вв.: грани ментальности // Военно-историческая антропология – 2002. М., 2002.

тить также, что, вплоть до 1746 года будучи *de facto* единственной постоянной и профессиональной единицей построенной на рекрутском наборе французской армии, они оставались тем не менее сперва шотландскими, а с 1707 года – британскими подданными. Схожим путем пошли и так называемые «дикие гуси» – ирландские политэмигранты-католики. 3 декабря 1743 года изгнанный лорд Джон Драммонд Пертский, испытанный воин и страстный якобит, бывший до той поры капитаном в ирландском полку Рута, объявил о созыве Royal Ecossais. Впрочем, соответствующий ордонанс Людовика XV последовал лишь первого августа годом позже. Организовавшись по примеру ирландцев (одиннадцать рот фузилеров и одна – гренадеров на полк; в каждой по пятьдесят человек плюс офицеры – итого шестьсот шестьдесят), Royal Ecossais первым делом отправились на поля войны за австрийское наследство. Сила шотландцев оказалось поистине грозной, по-европейски дисциплинированной и по-гэльски безудержной; к тому же, случайных людей там не было. Кадры подбирались из трех источников: шотландцев, входивших прежде в состав «ирландской бригады» наподобие командующего; изгнанных бунтарей 1715 года; и волонтеров, тайно завербованных непосредственно на исторической родине. К моменту первого сбора полка 29 декабря 1744 года в Сен-Омере лорду Джону Драммонду, отцу-основателю и подполковнику (полковником официально числился сам король), не хватало лишь десяти человек для полного укомплектования личного состава; и весной 1745 года Royal Ecossais принялись за дело во Фландрии. Однако уже в 1745 году под давлением мадам Помпадур Людовик XV позволил тысяче шотландских и ирландских солдат (Royal Ecossais в полном составе плюс по пятьдесят человек от каждого из полков «ирландской бригады» и кавалерийский полк Фитц-Джеймса) отправиться из Фландрии в Шотландию под штандарты мятежного принца-регента. После поражения восстания выжившие, доукомплектованные товарищами по бунту, были вброшены туда же, откуда в свое время отплыли. По прибытии на континент существенно поредевший полк воссоединился с армией Лёвендаля и весной 1747 года брал Берг-Оп-Зоом, а 7 мая 1748 года – Маастрихт, что и стало последней победой в той войне. Однако, что немаловажно на всем протяжении своей истории члены Royal Ecossais оставались *волонтерами*, с правом выйти в отставку в любой допустимый контрактный момент, и – какой бы иронией судьбы это ни показалось – *de jure* британскими подданными. Соотечественники RE и их товарищи по политическому несчастью – полк Огилви – меж тем сражались (против британцев же) в Новом свете.

Отечественные «полки нового строя» помнят в подобном смысле «воинские кумпании» полковника Александра Лесли, генерала Патрика Гордона и других видных деятелей российской военной истории – подданных шотланд-

ской короны в изгнании. Крупнейший военачальник елизаветинской и ранне-екатерининской эпохи – генерал Джеймс Кейт – также был наемным солдатом и, по его собственным признаниям, прежде всего воином своего клана и мятежного шотландского короля в изгнании. Разорвав контракт с российской короной перед самой Семилетней войной, он впоследствии стал наиболее блестящим фельдмаршалом Фридриха Прусского. Каждый из этих военачальников имел своего рода «корпорацию» воинов, подчинявшихся лично и только ему по клановым и ленным мотивам. Также самостоятельны и замкнуты в себе были кондотьерские отряды, в которых предводитель самостоятельно заключал договор («кондотту») с городом-государством и формировал личный состав отряда на свой страх и риск.

Однако для подтверждения целесообразности и практической значимости процесса приватизации войны нет нужды, как сказали бы многие, «глотать архивную пыль»; достаточно ознакомиться с официальной аналитикой Международного Комитета Красного Креста.

Согласно публикации Комитета от 23 мая 2006 года, «за последние пятнадцать лет все больше функций, которые ранее осуществлялись государственными структурами безопасности или военными ведомствами, были переданы в руки частных военных и охранных компаний. К числу выполняемых ими видов деятельности сегодня относится предоставление грузовой и транспортной поддержки при проведении операций по развертыванию войск и других военных операций, техническое обслуживание систем вооружений, охрана лиц и объектов, подготовка кадров для военных и полицейских ведомств, сбор и анализ разведывательной информации, работа в учреждениях содержания под стражей, ведение допросов заключенных и, в некоторых случаях, участие в боевых операциях. В связи с этим среди прочих также встает вопрос о защите сотрудников частных военных и охранных компаний в соответствии с международным гуманитарным правом. В последние несколько лет наблюдается беспрецедентное увеличение спроса на услуги частных военных и охранных компаний, который удовлетворяется как теми компаниями, которые уже давно занимаются предоставлением военных услуг и услуг в сфере безопасности, так и новыми компаниями, вышедшими на этот рынок. К услугам частных компаний, предоставляющих услуги в сфере безопасности, обращаются не только государства, но и коммерческие компании, международные, региональные и неправительственные организации. Чаще всего это происходит во время их работы в ситуациях вооруженных конфликтов. Специалисты по вопросам безопасности сходятся во мнении о том, что в ближайшей перспективе частные военные и охранные компании продолжают свою работу в

данном секторе.»² Ведущий научный сотрудник Центра по исследованию проблем мира ИМЭМО РАН, доктор политических наук Александр Фролов также утверждает, что «значение ЧВК [частных военных компаний – прим. В.М.] в конфликтных ситуациях в разных точках мира будет возрастать, что означает тенденцию к приватизации современной войны. <...> ...огромную часть американского ВПК составляют сравнительно небольшие частные военные компании <...>, обслуживающие армию, военное производство и американские спецслужбы. ЧВК не только поставляют продукцию в интересах военного ведомства, военных производителей (например, делают узел для боевого самолета или танка), но и заполняют нишу разного рода военных услуг, предоставляют в интересах военного ведомства или служб безопасности специалистов-профессионалов по интересующей проблеме, в частности – в зонах боевых действий. <...> Частные военные компании могут брать на себя охранные функции, сопровождать грузы и людей по всему миру, предоставлять специалистов для обучения местных кадров, осуществлять операции по разминированию и т.п. ЧВК, в частности, осуществляют контроль тюрем в Ираке и Афганистане. Они предоставляют экспертизу по вопросам обороны и национальной безопасности. Вербовка и поставки наёмников тоже относятся к деятельности ЧВК. <...> По информации американского Центра общественной прозрачности, с 1994 г. Министерство обороны США заключило с 12 американскими ЧВК более 3600 контрактов на общую сумму в 300 млрд. долл. Но это, очевидно, только прямые контракты по линии военного ведомства. Другие контракты могут заключаться с другими правительственными структурами США. По приблизительным оценкам, объем услуг и поставок американских частных военных компаний в годы президентства Дж. Буша составлял порядка 100 млрд. долл. в год.»³

Однако правовой статус «свободно-конкурентной войны» и тех, кто ее ведет, вызывает на данный момент многочисленные сомнения. Согласно ст. ст.47 (2) Первого Дополнительного Протокола к Женевским конвенциям, человек, который: а) специально завербован на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооружённом конфликте; б) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях; в) принимает участие в военных действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комба-

² <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/html/privatisation-war-230506>

³ <http://www.warandpeace.ru/ru/article/view/28218/>

тантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны; г) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; д) не входит в личный состав вооружённых сил стороны, находящейся в конфликте; и е) не послан государством, которое не является стороной находящейся в конфликте, для выполнения обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооружённых сил – считается наемником. Он не признается комбатантом и не может рассчитывать на статус военнопленного, а стало быть, в случае захвата в плен подлежит уголовной ответственности. Помимо того, во многих национальных юрисдикциях наемничество прямо криминализовано (как, например, и в Российской Федерации). Однако низкий уровень юридической техники, проявленный в данной определении, позволяют подвести под определение наемничества и лишить статуса комбатанта любого независимого военного – сотрудника частной военной компании.

Советник ММКК по правовым вопросам Эмануэла-Кьяра Гийяр, в частности, отмечает тот факт, что «только несколько государств приняли законы, устанавливающие специальную процедуру, прохождение которой позволяет частным военным и охранным компаниям, действующим на их территории, получить разрешение осуществлять свою деятельность за границей (Южная Африка). Число стран, где существуют законы, регулирующие деятельность таких компаний на своей территории, также невелико (Ирак и Сьерра Леоне).»⁴ Таким образом, выраженная позиция как международного гуманитарного, так и национального права большинства стран явно направлена против приватизации войны. Однако справедливо ли и разумно ли это?

Частная военная компания в большинстве случаев не разделяет тех целей и интересов, которые заставляют публично-правовую сторону вооруженного конфликта развязывать войну. Это значит, что она в большей степени свободна от расовых, национальных, религиозных и прочих предрассудков по отношению к противнику и действует исключительно в рамках заключенного договора, без эксцессов и чрезмерной «старательности». Частная военная компания действует как профессиональное коммерчески ориентированное сообщество и потому прямо заинтересована в незапятнанности своей деловой репутации и высокой квалификации своих сотрудников. Частная военная компания, в отличие от государственной армии (пусть даже и контрактной), не связана степенью признанности публично-правового характера нанимателя, а следовательно, может свободно участвовать в вооруженных конфликтах в ан-

⁴ <http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/html/privatisation-war-interview-191006>

тиавторитарных партизанских выступлениях либо в процессах реализации права на сецессию. Частная военная компания, не будучи коррумпированной и бюрократизированной, представляет собой высокоэффективный социальный лифт. Частная армия выступает стороной в гражданско-правовом договоре, а стало быть, в отличие от государственной, с меньшими сложностями может быть ответчиком в арбитражном суде либо международном коммерческом арбитраже. И, наконец, частная армия нелицемерна – в отличие от государственной, она чурается речей о долге, чести и гуманизме и называет вещи своими именами – именами, прямо прописанными в контракте. Возможно, подобная честность и может показаться циничной – но что может быть циничней испокон веков принятой в современном мире профанации высоких понятий во имя властных амбиций?

Растущий (даже в неблагоприятных юридических обстоятельствах) размах использования государствами услуг частных военных компаний недвусмысленно свидетельствует об экономической и тактической целесообразности «приватизации войны». О том же говорит нам и вся европейская история Нового времени. Суждено ли здравому смыслу и подлинному гуманизму (когда отправляется на вероятную смерть лишь тот, кто сам выразил такое желание) одержать верх над предрассудками и этатистской риторикой? Здесь, безусловно, спорящих рассудит история. Однако уже сейчас очевидно то, что многие нормы международного гуманитарного права нуждаются в конкретизации, а национального законодательства различных стран – в пересмотре с учетом новейших тенденций.